

УДК 343

ФИНАЛЬНЫЕ ФОРМУЛЫ КАЛМЫЦКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК

И. С. Надбитова

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН

Статья посвящена финальным формулам калмыцкой волшебной сказки. Для сравнительно-типологического изучения привлечены примеры сказочных текстов славянского, монголоязычных и тюркоязычных народов. Анализ показал, что финальные формулы калмыцких волшебных сказок аналогичны формулам, встречающимся в богатырских сказках, а также формулам из сказочной традиции других народов.

The article is devoted to the final formulas of the Kalmyk fairy tales. For the comparative and typological study the examples of the Slavic, Mongolian and Turkish fairy-tales are involved. The analysis has shown that the final formulas of the Kalmyk fairy tales are similar to those which are met in the heroic tales and to those of other peoples'.

Ключевые слова: финальные формулы; калмыцкая волшебная сказка; сказочная традиция.

Keywords: final formulas; the Kalmyk fairy tale; fairy tale tradition.

Основным показателем художественного стиля волшебной сказки являются устойчивые выражения, которые произносятся с определенной ритмической интонацией. Они содержат выразительную характеристику отдельных событий сказочного повествования, персонажей, их действий.

В волшебной сказке действие происходит согласно общим закономерностям, сложившимся в процессе исторического развития жанра. Однако «традиционность, устойчивость, консервативность словесных клише и приемов воссоздания текста никогда не мешали исполнителям рассказывать сказку ярко, красочно, живо. Это объясняется продуктивностью стилистических моделей, способностью их к варьированию, а также многообразием этих моделей» [4, с. 3].

Среди традиционных формул особую роль играют финальные формулы. По мнению исследователей, цель таких формул «состоит в том, чтобы разрядить внимание слушателя сказки, напомнить ему о реальной действительности» [2, с. 31], а также «вызвать в нем улыбку или даже смех, а иной раз и обратить внимание на самого сказочника с целью получить благодарность, угощение или подарок» [3, с. 329]. И.А. Разумова пишет, что «сказочные формулы зачина и концовки воплощают основные жанрообразующие признаки сказки, единство ее поэтики и стилистики. Это определило наиболее высокую степень их семиотичности по сравнению с другими стилистическими стереотипами» [4, с. 77].

Цель данной статьи – выделить основные семантические типы финальных формул волшебных сказок калмыков. Материалом для исследования послужили опубликованные сказочные тексты и полевые записи автора.

Исходя из смыслового содержания формульного пласта сказочных концовок, мы выделяем следующие группы:

Формула благополучного завершения. В ней в конце сказочного повествования сообщается о счастливой жизни героя. По лексическому составу эта формула является простой, имеет варианты и звучит так:

а) «хэрж ирд амрад жѳирхэд бэев» [13, с. 71] («вернувшись домой, стали жить спокойно и счастливо»);

б) «амрад жѳирхэд бэев» [12, с. 164] («стал жить спокойно и счастливо»);

в) «амрад жѳирхэд бээцхэж» [14, с. 119] («стали жить спокойно и счастливо»);

г) «амрад жѳирхэд бээхэд бээж» [17] («стал жить спокойно и счастливо»);

д) «амрад жѳирхэд бээж» [18] («стали жить спокойно и счастливо»).

В репертуаре Санджи Манджикова из 11 волшебных сказок ни разу не встретилась исходная форма «амрад *жирхэд бээж*» («стали жить спокойно и счастливо»). При этом сказочник трижды произнес следующий вариант этой формулы: «*амснь сүмснь жирхэдэв*» [13, с. 25] («зажили счастливо»).

В сказках, исполненных Дуляш Лиджиевой, встречаем так называемые формулы в формулах. Из 11 сказок 4 текста завершены подобными формулами. Пример:

«*өмнкэсн өгтэ болад, хөөткэсн хогта болад, амрад жирхэд бээж*» [8, с. 12] («стал жить спокойно и счастливо, лучше прежнего»).

Такие формулы имеются в 4-м томе сборника «Хальмг туульс», где они произносятся перед формулой сказочного пира:

1) «*өмнкэсн өгтэ, хөөткэсн хотта... амрад жирхэд бээж*» [15, с. 71] («стал жить спокойно и счастливо, лучше прежнего»);

2) «*өмнкэсн өгтэ, хөөткэсн хөгтэ... амрад жирхэд бээхэд бээжл*» [15, с. 66] («ведь стал жить спокойно и счастливо, лучше прежнего»).

Калмыцкому волшебному эпосу известны тексты, когда главный персонаж (персонажи) в конце сказочного повествования становится правителем страны или владельцем кочевьев:

1) «*хаана ор бэрэд бээв*» [13, с. 203] («стал ханом страны»);

2) «*хан болад сууһад, отг-алван залад бээхэд бээж*» [13, с. 146] («стал ханом и возглавил оток-албату»);

3) «*тер нутг эзлэж жирхэв*» [14, с. 197] («стал править нутуком и зажил счастливо»).

Формула «и по сей день». Разновидность финальных формул, где указывается, что герои живут счастливо и до наших дней:

1) «*эндэр өдр күртл амрад-жирхэд бээхэд бээжл*» [15, с. 66] («жили счастливо и благополучно до сегодняшнего дня, оказывается»);

2) «*түүнэс нааран хоюрн амрад жирхэд бээж*» [16] («с тех пор до нынешнего времени вдвоем жили спокойно и счастливо»);

3) «*амрад жирхэд бээна*» [12, с. 71] («живет спокойно и счастливо»).

Эта формула передается при помощи глагола в форме настоящего времени (суффикс *-на/-нэ*).

Н. Рошияну считает, что такая формула призвана убедить слушателей в правдивости того, что герои счастливы и по сей день [5, с. 76].

Формула сказочного пира. В исследуемом материале встречаются формулы, завершающие повествование сообщением о сказочном пире. В отличие от русского «пир на весь мир», в калмыцких сказках эта формула передана своеобразно:

1) «*боса күүнэ бөрвцэ, сууһа күүнэ сүүцэ (хүрм-гиич)*» [12, с. 184] («(свадебный пир) встающему человеку до подколенных сухожилий, сидящему человеку до подмышек»);

2) «*босн күүнэ бөрвцэ, суусн күүнэ сүүцэ*» [15, с. 66] («(пир) встающему человеку до подколенных сухожилий, сидящему человеку до подмышек»).

Длительность такого сказочного пира передана при помощи числительных:

1) «*суусн күүни сууца, боса күүнэ белкүсцэ, долан-долан дөчн йисн хонгтан (нэр-наад кехэд)*» [15, с. 66] («сидящему человеку до подмышек, встающему человеку до пояса, семью семь сорок девять дней (пировали)»);

2) «*долан-долан дөчн йисн хонгин...ик байр-бахан (кехэд)*» [13, с. 247] («на семью семь сорок девять дней большой пир (устроили)»).

В калмыцком материале имеются тексты, в которых отсутствуют формулы пира, сказка просто сообщает о его устройстве: «*күүкэн буулхэж авч ирэд, байрта хүрм кехэд...амрад-жирхэд бээж*» [8, с. 19] («привез девушку, сыграли веселый пир (свадьбу) и стали жить спокойно и счастливо»).

В сказках, исполненных А. Кутуктаевой, перечисленные формулы пира отсутствуют, однако сказочница произносит следующие формулы пира:

1) «ударил в большой барабан – созвали на пир большой улус. Ударил в малый барабан – созвали малый улус. Долго гремел пир» [10, с. 60];

2) «ударил в большой гонг – собрали большой улус, ударил в малый гонг – собрали малый улус» [10, с. 73];

3) «ударил в большой барабан – созвали на пир большой улус. Ударил в малый барабан – созвали малый улус, и снова начался пир. Танцевали так, что не

замечали, как отрываются пуговицы. Танцевали так, что не замечали, как лопаются пояса» [10, с. 74].

В сказках народов Дагестана, соседствующего с Калмыкией, в финальных формулах также упоминается барабан: 1) «*семь дней и семь ночей раздавались звуки барабана и зурны и шло веселье*» [11, с. 68]; 2) «*семь дней и семь ночей били в барабан*» [11, с. 124].

В калмыцком волшебном эпосе «подобно начальным формулам, финальные формулы (или их элементы) довольно часто встречаются в середине (в разных местах повествования)» [1, с. 39]. Обычно это формулы благополучного завершения какого-то определенного действия героя или формулы пира.

Этиологические формулы. В изучаемом материале таких примеров немного, в них сообщается о происхождении имени героя, характере его поведения. М.А. Толбина, исследуя волшебные сказки алтайцев, усматривает в этиологических формулах «взаимодействие сказок со сказками о животных, мифами. В содержание таких формул входят объяснения повадок животных, птиц, происхождение небесных светил, особенностей поведения персонажей (разных духов, человека), которые имеют связь с содержанием сюжета» [6, с. 8].

Примеры из калмыцких сказок:

1) «*эн гергн залу хойрин йовсн йовдл деерэс тигэд гергн ку цокдг болж харсн болдг*» [13, с. 264] («так, после этого случая, происшедшего с супругами, стали бить женщин»);

2) «*тишгэд өнчн Борлдаш нег цагт өвснэ көндэд кевтдг нер авсн болдмн*» [12, с. 129] («так, сиротка Борлдаш приобрел прозвище "лежащий в траве"»).

Формула наказания. Исследуя восточнославянскую сказку, Р.М. Волков определил два вида наказания: разрывание лошадыми и сожжение на костре. Кроме этих, Г.Р. Хусаиновой на материале башкирских сказок было отмечено еще три вида наказания, а именно: удушение, гибель от змеиных укусов, окаменение [7, с. 15]. Калмыцкой сказке известны разные виды наказания виновных, а именно: разрывание лошадыми, казнь, порезание на кусочки, сжигание, изгнание. Самой распространенной, особенно в сюжетах АТ 519 («Слепой и безногий»), АТ 706 («Безручка») АТ 707 («Чудесные дети»), является формула наказания – разрывание лошадыми, в которой герой задает вопрос:

1) «*далн мөрнэ дел сүл авнт аль давтмр улан кир авнт?*» [12, с. 38] («гриву и хвост семидесяти лошадей возьмете или кованный красный кинжал возьмете?»);

2) «*далн мөрнэ дел сүл авнт аль дарцг сэхн киир авнт?*» [12, с. 164] («гриву и хвост семидесяти лошадей возьмете или красивый кинжал возьмете?»);

3) «*далн мөрнэ дел сүл кергтэй, эс гижэ давтмр киир кергтэй*» [13, с. 41] («гривы и хвост семидесяти лошадей нужны или кованный кинжал нужен?»).

Еще одна разновидность формул наказания – казнь виновного:

1) «*цаажла харһулэ*» [12, с. 49] («казнили»);

2) «*цаажла харһулад*» [15, с. 73] («казнил»).

Перерезание горла (*кузүһинь керчх*) в калмыцких сказках встречается в единичном случае [12, с. 189]. В калмыцком материале есть и оригинальные формулы наказания, в которых виновного подвешивают и «*орхларн нурһнасьн олцгин сур авад, хархларн ханзһин сур авад*» [12, с. 206] («входя, брал со спины кожу (величиной) с подпругу, выходя, брал кожу (величиной) с торока»). Другой вид наказания – изгнание, когда виновного выгоняют из дома (ханства). Примеры:

1) «*көөчкнэ*» [14, с. 128] («выгоняет»);

2) «*көөһэд эрһвэ*» [8, с. 38] («изгнал»);

3) «*көөһэд эрһлчкнэ*» [15, с. 27] («выгоняет»).

Метод расправы – сожжение, о котором упоминает Р.М. Волков, встречается только в двух сказках калмыков, где с неприятелями поступили так: «*цокад-цокад шатаһад алэж*» [15, с. 15] – «били-били и сожгли».

Формулы-поучения. Среди финальных формул немногочисленную группу составляют формулы-поучения, которые выражены в виде наставлений или пословиц, поучений, утверждений. Примеры:

1) *«иим үлгүр бээдм: «Уха сурх күн Үмкә Төрлт хаана туужэ соңсхм, уульхан хээн күн «Усн девскртин туужэ соңсхмн» [13, с. 247] («есть такая пословица: "человек, который хочет набраться ума, должен слушать историю Умкя Торелте хана, человек, который хочет поплакать, должен слушать "Историю об усун девскир"»);*

2) *«тиигжэ буруг зөв дшилв, худл илдкдэд, үнн юмн үндэн һарв» [14, с. 149]. («так правое победило неправое, ложь раскрылась, правда восторжествовала»);*

3) *«учрнь юн гихлэ? Угатыя күүнд дөңг болхар деерэс буужэ иржэ, мис болад, ноха болад угатыя холһа сэнгрцэ улст нөкд болад, жирһл залхар ирсн күн бээжл» [15, с. 42] («если спросить, в чем причина? Чтобы помочь бедному человеку, спустился сверху, становясь кошкой, становясь собакой, человек, который, помогая бедным, распределяет счастье»).*

Иногда исполнитель кратко сообщает о завершении сказки, например:

«тууль төгсв» [16] («сказка закончилась»).

В сказках народов Дагестана часто встречается финальная формула, в которой исполнитель повествует о своем присутствии в сказочных действиях и возвращении оттуда:

1) *«они остались там, а я вернулся сюда» [11, с. 192];*

2) *«а я их оставил и пришел к вам» [11, с. 142].*

Подобные формулы в калмыцком материале отсутствуют.

К финальным можно отнести формулу, в которой ханская дочь на вопрос отца, что она хочет взять с собой, отвечает: *«Дайте мне приплод одного года»*. Эта формула встречается в сказках и героическом эпосе «Джангар». Смысл слов заключается в том, что за приплодом пойдут скот, за новорожденными пойдут родители (взрослые), значит, все ханство перекочует, то есть главный герой получает не полцарства тестя, а все его богатство. Например, в богатьрской сказке «Хартин Хара Кюкюл» герой, покидая ханство тестя, говорит жене: *«Чамаг мал ав гихлэг, чи темэнэ ботх, мөрнэ унһ, үкрин туһл, күүнэ көвүд күүкд, һахан күүкд, хөөнэ хурһд тигэд ав. Бичкн күн бичкнэс авн өсдмн, – гинэ» [12, с. 193] («Тебе скажут: "Получай (приданое) – скот". Ты (соглашайся) взять верблюжат от верблюдов, жеребят от лошадей, телят от коров, детей от людей, поросят от свиней, ягнят от овец. (Ведь) малое растет через малое», – говорит). В «Джангаре» в песне о «Женитьбе богатьры Хонгора» встречаем аналогичный эпизод, где:*

*Строгий Цаган Зула-хан у дочери спросил:
«Что ты в приданое возьмешь у меня?» –
«Если просимое мною дадите,
Дайте приплод одного года», – сказала она.
Хан выслушал эти слова,
Посоветовался со множеством сайдов своих:
«[Взять] приплод одного года –
Значит сделать нас одной из окраин
Владений богдо Джангара» – вот смысл ее слов*

[9, с. 239–240].

Таким образом, «приплод одного года» означает уход всего народа из ханства.

В русской сказочной традиции нередко исполнитель заканчивает сказку обращением к аудитории с намеком на угощение, поощрение, например: *«Вот вам сказка, а мне бубликов связка»*. В калмыцком фольклоре такие намеки или просьбы отсутствуют. Нет в исследуемом материале и сообщений о присутствии исполнителя на сказочном пире, его возвращении оттуда. В этом мы усматриваем этнические особенности этикета калмыков.

Итак, в волшебном эпосе калмыков наиболее распространенными можно считать финальные формулы о женитьбе героя, благополучной жизни главных персонажей и наказании виновных. Традиционные формулы калмыков бытуют и в настоящее время, хотя очень редко встречаются этиологические и формулы поучения.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Адлейба Дж.Я. Устные стилевые основы сказки. Сухуми: Алашара, 1991. 340 с.
2. Новиков Н.В. К художественной специфике восточнославянской волшебной сказки (начальные и заключительные формулы) // Отражение межэтнических процессов в устной

-
- прозе. М.: Наука, 1979. С. 18-46.
3. Соколов Ю.М. Русский фольклор. М.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1941. 559 с.
 4. Разумова И.А. Стилистическая обрядность русской сказки. Петрозаводск: Карелия, 1991. 152 с.
 5. Рошияну Н. Традиционные формулы сказки. М.: Наука, 1974. 216 с.
 6. Толбина М.А. Сюжеты и стиль алтайской волшебной сказки: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 17 с.
 7. Хусаинова Г.Р. Поэтика башкирских народных волшебных сказок (Формулы в сравнительном освещении и сохраняемость сказки во времени). М.: Наука, 2000. 247 с.
 8. Алтн зүн темн. Туульс / Лижин Э. бичж авсн туульс. Элст: Хальмг дегтр нарһач, 1995. 120 х.
 9. Джангар: Калмыцкий героический эпос / сост., подготовка текстов, иссл., коммент. и словарь Н.Ц. Биткеева, Э.Б. Овалова. М.: Гл. ред. вост. литер., 1990. 480 с.
 10. Медноволосая девушка: Калмыцкие народные сказки / пер., сост. и примеч. М. Ватагина. М.: Наука, 1964. 271 с.
 11. Сказки народов Дагестана / сост. и автор примеч. Х. Халилов. М., 1965.
 12. Хальмг туульс / сост. Б. Сангаджиева, Л. Сангаев. Т. 1. Элст: Хальмг дегтр нарһач, 1961. 220 х.
 13. Хальмг туульс / сост. А.Ц. Бембеева, Ц.-Д. Номинханов. Т. 2. Элст: Хальмг дегтр нарһач, 1968. 264 с.
 14. Хальмг туульс / сост. Н.Н. Мусова, Б.Б. Оконов. Т. 3. Элст: Хальмг дегтр нарһач, 1972. 250 х.
 15. Хальмг туульс / сост. Б.Б. Оконов, Е.Д. Мучкинова. Т. 4. Элст: Хальмг дегтр нарһач, 1974. 272 х.
 16. Научный Архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 139.
 17. Полевые материалы автора: исполнитель Ш.В. Боктаев, 1933 г.р., уроженец п. Сарпа Кетченеровского района Калмыкии.
 18. Полевые материалы автора: исполнитель Д.Б. Нандышев, 1957 г.р., уроженец п. Зеед Ворошиловского района Сталинградской области, ныне – п. Северный Светлоярского района Волгоградской области.

*Поступила в редакцию 31.01.2011 г.
Принята к печати 26.03.2012 г.*